

С.Р. Джейн

18+

ЧЕРТОВСКИ НЕПРАВИЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Он влюблен безумно, а безумие не знает границ

С. Р. Джейн
Чертовски
неправильный мужчина
Серия «Freedom. Моя чертова
ошибка любви», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73388728

*С. Р. Джейн. Чертовски неправильный мужчина: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-240850-2*

Аннотация

По всей видимости, знаменитый хоккеист Кэмден Джеймс испытывает непреодолимую потребность помогать людям, попавшим в беду. Не зря ему дали прозвище «Герой»! Иначе я не могу объяснить, почему этот парень так загорелся идеей спасти и меня. Лишь однажды увидев, как я танцую, Кэмден отчаянно стремится быть рядом, но я стараюсь держать спортсмена на расстоянии. Что общего может быть у простой балерины, которая еле сводит концы с концами, и хоккеиста-миллионера? Мы абсолютно точно из разных миров! Однако, внезапно оказавшись на улице, я понимаю: мне все же придется принять его помощь. Я переезжаю в шикарный дом Кэмдена – и

теперь делу быт с горячим хоккеистом-суперзвездой. Навязчивое поведение нового соседа должно было меня насторожить, однако его сосредоточенность на мне удивительным образом дарит ощущение безопасности. Да, жизнь учила меня не доверять никому, но, кажется, я теряю бдительность. Кто знает, возможно, для счастливого финала мне нужен вовсе не герой, а злодей?

Содержание

Пролог. Анастасия. Десять лет	9
Глава 1. Анастасия	25
Глава 2. Кэмден	36
Глава 3. Анастасия	46
Глава 4. Кэмден	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

С. Р. Джейн

Чертовски

неправильный мужчина

C. R. Jane

The Pucking Wrong Man

© 2024 by C. R. Jane

© А. Литвиченко, перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Моим грешным сорвиголовам, для которых «Да, папочка» и хорошая порка – часть отличного вечера.

Далласские рыцари

Состав команды

Линкольн Дэниелс, капитан, #13, центральный нападающий

Ари Ланкастер, капитан, #24, защитник

Уолкер Дэвис, капитан, #1, вратарь

Кэс Питерс, #42, защитник

Кай Джонс, #18, левый нападающий

Эд Фредерикс, #22, защитник
Кэмден Джеймс, #63, защитник
Сэм Харкнесс, #2, вратарь
Ник Анджело, #12, защитник
Алексей Иванов, #10, центральный нападающий
Мэтти Клифтон, #5, защитник
Кэм Ларссон, #25, левый нападающий
Кэл Марсден, #26, защитник
Декс Марсден, #8, центральный нападающий
Александр Портье, #11, правый нападающий
Логан Йорк, #42, вратарь
Колт Джонс, #30, крайний нападающий
Дэниел Стаббс, #60, крайний нападающий
Алекс Тернер, #53, центральный нападающий
Портерс Маст, #6, защитник
Логан Эдвардс, #9, защитник
Кларк Доббинс, #16, крайний нападающий
Кайл Нидерланд, #20, защитник

Тренерский состав

Тим Портер, главный тренер
Колльер Уоттс, ассистент тренера
Вэнс Конноли, ассистент тренера
Чарли Хэммонд, ассистент тренера

The Prophecy – Taylor Swift

FRAGILE – BLU EYES

Hero – Enrique Iglesias

MESSED UP AS ME – Keith Urban

Let It Happen – Gracie Abrams

My Hero – Foo Fighters

Guilty as Sin? – Taylor Swift

Rock 'n' Roll (Part 2) – Gary Glitter

Pink Skies – Zach Bryan

Slow Burn – Kacey Musgraves

Fix You – Coldplay

Matchbox – Ashley Kutcher

Infinitely Falling – Fly By Midnight

I'll Be Your Home – Phillip LaRue

Never Alone – Garrett Kato, Elina

Never Let Me Go – Florence + The Machine

Look What You Make Me Do – Taylor Swift

The Machine-Sped Up – Reed Wonder, Aurora Olives

Mastermind – Taylor Swift

«Три тысячи минут на скамейке штрафников – и кто-то еще будет учить меня играть?»

– *Тай Доми*¹

#Парни-хоккеисты анонимно

@hockeybofriends_anonymous

Зайки, готовьте платочки, потому что до нас дошли слухи,

¹ Тай Доми – легендарный канадский хоккеист, один из самых штрафуемых игроков в истории НХЛ (*здесь и далее прим. перев.*).

якобы наш горячий Герой больше не одинок. #намнуженэтотгерой #ябудугероемдлятебядетка. У нашего звездного защитника «Рыцарей» @camden_james1, кажется, появилась новая соседка, и спят они не в разных спальнях, если вы понимаете, о чем мы... #ЛюбовьНаЛьду. Джеймса видели в городе с балериной местного театра, и она точно вскружила ему голову Кажется, мечты о том, чтобы быть спасенной нашим ледяным рыцарем в сверкающих доспехах, медленно улетучиваются... #НикакихБольшеГероев #ТоскаХоккейныхЗаек

17:49, 19 июля, 2024

2 500 репостов, 834 комментария, 15 700 лайков

Пролог. Анастасия. Десять лет

– Сегодня ты была великолепна, Ана. Почти все сделала идеально, – тихо сказала мисс Галлахер. Я засияла, услышав от нее похвалу. Она редко хвалила, но когда это случалось, это было *волшебно*. – Ты уже решила, пойдешь ли на дополнительные занятия, о которых я тебе говорила? Класс современной хореографии очень помог бы тебе стать еще лучше.

Я опустила голову, не решаясь встретиться с ней взглядом. Я *думала* об этом.

Много.

Я ужасно хотела пойти.

Но уже училась здесь на стипендии. Мне было страшно спрашивать, смогут ли они оплатить еще один класс. Девочки и так надо мной смеются. А в классе современной хореографии занимаются дети постарше... они, наверное, будут еще злее.

– Ана, – сказала мисс Галлахер с пониманием в голосе, легонько касаясь моего подбородка, чтобы я подняла глаза. Она терпеть не могла, когда я избегала ее взгляда.

– Да? – спросила я, стараясь скрыть дрожь в голосе. Она всегда говорила, что танцы не терпят слез.

Но сейчас я была на грани.

– Если тебе что-то нужно, просто попроси. Наша студия очень заинтересована в тебе. Мы *хотим*, чтобы ты добилась

успеха.

– Да, мэм, – прошептала я, спешно вытирая глаза, которые уже наполнились слезами.

Повисла пауза, и она, понизив голос до шепота, спросила:

– У тебя дома все в порядке?

Я напряглась.

Почему взрослые всегда задают этот вопрос, будто я могу сказать им правду?

Папа бы сильно разозлился, узнай он, что я вообще разговаривала с мисс Галлахер.

А когда он злится... происходят очень, очень плохие вещи.

Я ничем не выдала дрожь, пробежавшую по всему моему телу, и постаралась сохранить маску беспристрастности на лице.

Она просто хотела помочь. Все они хотели этого.

Но никто не мог. Мне просто нужно было дождаться, когда я стану взрослой.

По крайней мере, так я себе говорила.

– Все в порядке, – ответила я высоким писклявым голосом, совершенно непохожим на мой обычный. И попыталась выдавить ту самую танцевальную улыбку, которой нас учили на первом занятии.

«Ваши глаза должны излучать счастье», – сказала нам мисс Франка в тот день.

Я посмотрела на мисс Галлахер с напускной радостью, но

мне казалось, что она не поверила.

Она вздохнула так, словно я ее разочаровала, и похлопала меня по плечу.

– Когда-нибудь ты доверишься мне, *ma chérie*², – сказала мисс Галлахер и медленно отошла в сторону. Всем своим видом она излучала уверенность, а ее манеры были сама элегантность – именно такой я и хотела стать в будущем.

Мне хотелось броситься за ней, рассказать все о папе и о том, в какого монстра он превратился после ухода мамы. Я хотела поделиться с ней тем, насколько мне было одиноко и страшно, и какой жуткий *голод* испытывала.

Но когда я в прошлый раз сказала другому человеку о своих переживаниях, он ударил меня так сильно, что разбил мне голову. Из-за этого у меня до сих пор бывают головные боли.

Нет. Я хотела бежать за ней, обвить руками талию и умолять, чтобы она не позволила мне пойти домой.

Но я не дала себе это сделать.

Вместо этого взяла сумку и вышла из студии. С каждым шагом тревога скручивала живот все сильнее.

По пути к автобусной остановке я изо всех сил старалась сохранить радостный настрой. Танцы были моей единственной отдушиной. Только на занятиях я чувствовала себя счастливой. Они вселяли надежду на то, что все будет хорошо. Моя жизнь не должна превратиться в настоящий кошмар, даже если *сейчас* все очень сложно.

² Моя дорогая (*франц.*).

Солнце клонилось к горизонту, отбрасывая длинные тени на потрескавшийся асфальт. Я потупила глаза, стараясь не привлекать ничьего внимания. Постоянные пассажиры этого автобуса уже привыкли видеть десятилетнюю девочку, которая едет домой одна. Но новые всегда удивлялись.

Я кивнула водителю – потному мужчине, у которого из ноздрей торчали волосы. Мокрые пятна подмышками растеклись до середины рубашки. Он не ответил на кивок – лишь проследил за тем, чтобы я точно приложила проездной к валидатору. После его взгляд метнулся к следующему пассажиру.

Автобус казался огромной металлической печью, которую нагревало раскаленное до предела солнце. Но здесь пахло не выпечкой, а смесью старых носков и заплесневелого сыра. Каждый раз, когда кто-то открывал окно, становилось только хуже – в салон просачивался горячий воздух, смешанный с еще более резкими запахами.

Я старалась не обращать на это внимания – прижималась лицом к прохладному стеклу и наблюдала за мелькающим, как в калейдоскопе, морем цветов за окном.

Наверное, я должна была привыкнуть к этому запаху – я и сама, вероятно, пахла не лучше после нескольких часов танцев. Обычно мне удавалось помыться в студии, но сегодня мисс Галлахер задержала меня и времени перед отправлением автобуса не осталось.

Папа обычно либо валялся в отключке, либо выпивал в

баре. Но если был дома, и случалось так, что я опаздывала...

Это грозило мне большими неприятностями.

Я провела пальцами по блестящему розовому ожогу на руке – он оставил его шесть месяцев назад, прижав мою руку к газовой плите.

В тот день я опоздала всего на несколько минут...

Через окно я рассматривала «благополучную» часть города, которую мы сейчас проезжали. Наш город был разделен невидимой, но осязаемой границей.

На богатых и бедных.

К сожалению для меня, я жила не *просто* в бедной части города. Я жила в районе, о котором *старались лишний раз не вспоминать*.

К нам даже автобусы не ходят, потому что очень не многие здесь – если вообще такие есть – выезжают куда-то. Поэтому от автобусной остановки до моего дома идти еще около двух километров.

Переливающиеся на солнце стеклянные здания и витрины магазинов, ухоженные газоны и величественные особняки исчезали из виду, и на их место пришли полуразрушенные дома и улицы, усыпанные мусором.

Как символично – именно так я чувствовала себя, когда возвращалась с танцев домой.

Сверкающие и сияющие стены танцевальной студии сменялись заколоченными окнами и борьбой за выживание.

Я не понимала, как такое возможно, что в одном и том же

мире бок о бок существуют люди, одни из которых имеют так много... а другие – почти ничего.

Автобус, взвизгнув тормозами, остановился. Я вздрогнула от резкого звука, ударившего по барабанным перепонкам. И бросила водителю «до свидания», зная, что он ничего не ответит.

Но мне нравилось представлять, что мы на самом деле друзья.

– Ана! – раздался знакомый голос. Я вздохнула, натянула на лицо маску безразличия и обернулась.

От одного взгляда на Майкла Карвера по моей коже побежали мурашки. Точнее, нечто, на них похожее – только так я могу описать те чувства, которые испытывала.

И такая реакция говорила о многом, учитывая, что мужчины в моем районе, опустившиеся на самое дно люди, валялись в бессознательном состоянии чуть ли не на каждом углу.

Может, дело было в его внешности?

Такой идеальный. Такой чистый. С уложенной, волосок к волоску, прической.

Никто в этом районе не выглядел так, будто только что вышел из эпизода «Семейки Брейди»³.

Даже в платьях для выступлений я так не выглядела.

³ Американский ситком 1970-х гг. о дружной семье с образцовыми детьми, которые всегда учатся на ошибках, поддерживают друг друга и решают любые проблемы благодаря помощи мудрых родителей.

Может, дело было в том, что он уже на втором году обучения в местной старшей школе. В нашей средней школе ходили легенды о том, как он продавал что-то в тени.

Или, может быть, дело в том, что он всегда неожиданно возникал рядом, когда я выходила из дома. А я знала – живет он не здесь.

Наверное, именно это меня и смущало.

– Привет, Майкл, – вежливо начала я. – У меня нет времени разговаривать сегодня. Мне нужно домой.

Он усмехнулся и сделал отвратительную вещь – скользнул по моему телу взглядом с ног до головы, будто я была вовсе не ребенком.

Я была в том возрасте, когда девочки уже начинают интересоваться мальчиками. Но лично я старалась держаться от них подальше.

У меня еще не начала расти грудь. И ела я недостаточно, чтобы получить те изгибы, о которых мальчишки говорили в школе.

Но то, как он на меня смотрел...

Жутковато.

Усугубляло ситуацию то, что его глаза были, как бы я это описала, «водянисто-голубыми». Почему-то именно этот цвет всегда вызывал у меня дрожь. Однажды в книге я увидела персонажа с такими глазами, и это навсегда засело в моей голове. Глаза Майкла выглядели пустыми... да, точно, именно так их можно описать. Будто на самом деле на нем

была маска, за которой ничего не существовало.

По телу пробежала дрожь, но я сделала над собой усилие, чтобы он этого не заметил.

– Не знаю, почему ты так старательно избегаешь дружбы со мной, Ана. Я мог бы тебе по-настоящему помочь, – он смахнул невидимую прядь волос с лица, видимо, пытаясь казаться круче, но это у него не получилось – по крайней мере, для меня этот жест не выглядел крутым.

– Анастасия, – холодно сказала я.

– Что?

– Анастасия. Меня зовут Анастасия.

Он фыркнул.

– Я слышал, как другие люди называют тебя *Ана*.

Я открыла рот, чтобы ответить – сказать ему, что меня так называют только те, кто мне нравятся, или те, кто не вызывают у меня отвращения.

Но я вместо этого я поджала губы и не издала ни звука. Слова повисли в воздухе – и улыбка, которая сияла на его лице, сменилась мрачной гримасой.

– Ладно, было приятно поболтать, – выдавила я и повернулась, чтобы уйти. Мне правда нужно идти домой. Майкл вызывал у меня такую тревогу, что я предпочла бы сидеть дома, чем разговаривать с *ним*.

Это говорило о многом.

Его рука резко схватила мою.

Крепко.

– Ай, – прошипела я, пытаюсь вырваться.

– *Ана*, – ответил он спокойным голосом, выделяя мое прозвище. Его тон заставил меня вздрогнуть. – Тебе стоит принять тот факт, что мы будем друзьями. И тебе это *понравится*.

– Ага, – ответила я, наконец вырвав руку из его хватки. Фантомная боль не отступала. Я начала медленно отходить назад, не сводя с него глаз, – и все это время мне казалось, что Майкл все еще сжимает мою плоть.

Он не стал догонять меня или пытаться остановить.

Вместо этого Майкл сделал кое-что более страшное.

Он улыбнулся.

И эта улыбка была наполнена таким количеством его фантазий, что я больше никогда в жизни не хотела даже видеть Майкла.

Стоило ему отвернуться, как я тут же бросилась домой, думая о том, что *однажды* перестану убегать от всего, что меня пугает.

Но точно не сегодня.

Я волочила усталые ноги по заросшей гравийной дорожке. Сплошному месиву из сорняков и колючек.

Дом, милый дом.

Точнее, конечно, сказать тире лачуга с прогнувшейся крышей, которая едва защищала от дождя.

Не всегда.

Казалось, что она стала еще более обшарпанной, чем

утром, когда я уходила. Краска отслаивалась длинными, неровными полосами, обнажая гнилую древесину. Окна были заляпаны грязью.

Я толкнула скрипучую входную дверь – петли протестующе застонали. Я поморщилась. Как бы мне хотелось входить дом тише. Чем дольше меня не замечают, тем лучше.

Шаг внутрь – и знакомый запах алкоголя ударил в ноздри так сильно, будто кто-то пинком в живот выбил из меня весь воздух. Я повернула за угол и резко остановилась. Папа сидел, наполовину свесившись с кресла. Настолько выцветшего, потрепанного и грязного, что уже невозможно было понять, какого оно цвета.

Он не храпел, а это было плохим знаком. Обычно его храп означал, что он очень крепко спит. Сегодня мне нужно подготовиться к завтрашнему тесту по истории, и я не хотела, чтобы он проснулся и все испортил.

Я смотрела на него несколько мгновений, пытаюсь понять, не вскочит ли он, если услышит мои шаги. Под массой грязных, спутанных, жирных волос виднелось красное лицо. Он лежал в запачканной и мятой одежде, которую не менял уже несколько дней из-за запоя.

Даже во сне его лицо искажали злоба и горечь. Глубоко врезавшиеся морщины на лбу походили на дорожную карту – определенно демонов, которыми он был одержим.

Живот скрутило от страха и отвращения.

На полу, поблескивая в тусклом свете, валялись бутыл-

ки. Я поморщилась, потому что утром их не было – значит, он потратил наши последние деньги. Завтра меня бесплатно покормят обедом в школе, но продержаться весь день будет очень сложно. Я танцевала много часов, сожгла кучу калорий – кусочек пластмассовой пиццы и коробка молока никак не спасли бы ситуацию.

Я не стала убирать бутылки, просто старалась не споткнуться о них.

Иногда мне в голову лезли мысли о том, что будет, если он *умрет*. Если однажды выпьет так много, что никогда не проснется.

А потом мне становилось стыдно, потому что я знала – его сломал уход мамы.

В день, когда она ушла, он сказал, что никогда не оставит меня.

Он солгал.

Он каждый день оставлял меня. С каждой каплей, которую выпивал. С каждым мгновением, превращаясь из отца, которого я знала, в того монстра, которым он стал сейчас.

Поэтому казалось нормальным, что иногда мне тоже было трудно сдерживать данные ему обещания.

Желудок заурчал, когда я дошла до коридора. Я прикусила губу, бросив взгляд на кухню.

Может быть...

Я на цыпочках вошла в комнату и заметила грязную посуду в раковине... рядом лежала коробка пиццы.

Неужели он впервые заказал нам ужин?

Словно одержимая, я бросилась к коробке... так давно не ела хорошей пиццы.

Но, открыв коробку, я едва сдержала слезы.

Там не было ничего. Ни одного кусочка.

Забыв, что нужно вести себя тихо, я с шумом распахнула дверцу холодильника – на полке лежал единственный просроченный бутылек горчицы. Странное онемение охватило мои конечности.

Я неделями ела только скудные школьные обеды и черствый хлеб... а он заказал пиццу... и съел все до последнего кусочка.

Слеза скатилась по моей щеке, и я позволила ей упасть на пол.

Желудок снова заурчал – я потерла живот рукой, взяла чистую кружку и наполнила ее до краев водой. Если выпью достаточно воды, живот не будет так сильно болеть. Иногда это работало.

Завтра придется постараться уговорить школьных поварих дать мне что-нибудь еще, чтобы продержаться до конца дня.

Я добралась до своей комнаты, не разбудив отца. Рухнула на кровать, даже не поморщившись, когда пружина впилась мне в спину. Я уставилась в потолок, на следы от воды и трещины, расположение которых я с легкостью могла показать даже с закрытыми глазами.

Когда-нибудь я стану величайшей балериной в истории. Я буду танцевать на сцене с труппой Нью-йоркского балета, и весь зал будет аплодировать мне стоя.

Все будут знать мое имя.

Они будут бросать цветы на сцену и любить меня.

Я заставлю их полюбить меня.

Из гостиной донесся грохот – я вскочила с кровати, готовясь к худшему... на всякий случай.

На цыпочках добравшись до двери, я аккуратно приложила ухо к потрепанной деревянной поверхности и стала прислушиваться.

Тишина.

Возможно, это был просто один из тех приступов, которые иногда у него случались – он начинал крушить все вокруг, но при этом оставался спящим.

Еще мгновение я прислушивалась – и, решив, что, наверное, мои догадки верны, начала готовиться к тесту.

Закончив, я забралась в кровать и завернулась в истрепавшееся одеяло. Стоило голове коснуться подушки, как глаза тут же начали слипаться – это одно из преимуществ многочасовых занятий танцами: как бы ты себя ни чувствовал, засыпать всегда легко.

Завтра будет новый день...

Дверь с грохотом распахнулась и ударилась о стену – я вздрогнула и с трудом сделала вдох. И тут же моргнула,

попытавшись сориентироваться. Стоило мне сфокусировать взгляд, как сон окончательно ушел.

Я ужаснулась.

Папа стоял в дверях, его тело покачивалось на месте.

Я ничего не говорила. Даже не шевелилась. Будто он – хищник, который, возможно, не заметит меня, если я не сделаю лишних движений.

– Демон, – внезапно прохрипел он.

Я задрожала. Иногда, когда он много выпивал, ему начинали мерещиться вещи, которых на самом деле не было. И именно тогда происходило самое страшное.

Медленно подняв руки перед собой, я попыталась успокоиться и стала думать.

– Пап, возвращайся к себе. Все в порядке, – начала я, стараясь говорить как можно мягче.

– Демон! – зарычал он и бросился к кровати. Он двигался резко и неуклюже, бормоча что-то бессвязное и невнятное.

– Папа! Нет! – закричала я, пытаюсь выбраться из одеяла, которое опутало мои ноги.

Он схватил меня за запястье и потянул на себя. Горячее и зловонное дыхание обожгло лицо.

– Я не позволю тебе забрать меня, – прошипел он, швырнув меня на пол.

Папа сжал мои волосы в кулаке, а коленом уперся мне в шею. Я закашлялась и забилась под его весом, пытаюсь дышать.

– Грязный маленький дьявол. Демон! – орал он. Капли его слюны падали мне на лицо с каждым произнесенным словом.

– По... жалуйста, – выдавила я.

Он надавил своей ногой на мою, и послышался страшный хруст. Боль пронзила меня фейерверком – я согнулась пополам и схватилась за сломанную конечность. Слезы застилали глаза.

Я моргнула и уставилась в потолок, чувствуя, как по телу расплзается волна оцепенения. Отец возвышался надо мной, потом наклонился и обдал кожу горячим дыханием с примесью запаха виски. Он смотрел на меня с отвращением.

– Ты красивая воровка, – пробормотал он и присел рядом.

Слеза скатилась по щеке, потому что больше он не звучал так же пьяно, как раньше.

Он погладил ладонью мое лицо – и я тут же отвернулась, выблевав свой обед на пол. Потому что всего было слишком. Боли, тошноты от боли, *всего*.

Пошатнувшись, отец ушел, оставив меня корчиться на полу. Разбитую и опустошенную.

Я наконец нашла в себе силы взглянуть на свою ногу – дыхание перехватило, когда я увидела, как кость торчит из кожи.

Голова упала обратно на пол, кровь растекалась вокруг.

Стало так холодно.

Я не хотела умирать.

Я хотела жить.

Я хотела танцевать...

Глава 1. Анастасия

Я осторожно открыла глаза: яркий свет больничной палаты на мгновение ослепил меня.

Где я?

Комната вокруг плыла. Я поморщилась и, быстро закрыв глаза, сделала глубокий вдох.

Все тело болело.

Ладно, справлюсь, – подбодрила я себя, на этот раз приоткрыв глаза чуть шире, стараясь привыкнуть к свету.

Наконец мне удалось полностью открыть веки. Взгляд сразу же упал на ногу... закованную в гипс от лодыжки до бедра.

– Что случилось?

Одного мгновения хватило, чтобы все вспомнить. Весь этот кошмар.

Мысленно я снова пережила тот ужас – он развернулся в сознании, как кадры самого жуткого фильма. Отец, бросающийся на меня. Резкий хруст. Боль, пронзившая ногу, – такая, какой я никогда не знала раньше.

Все внутри сдавило, стоило мне снова посмотреть на гипс. Дыхание стало прерывистым, а сердце сжалось, будто его схватила ледяная ладонь.

Смогу ли я когда-нибудь снова танцевать?

В глазах помутнело, паника накрыла с головой. И тут чья-

то рука мягко легла на мою, заставив вздрогнуть от неожиданности. Я резко повернула голову и увидела... Майкла? Он стоял у кровати, улыбаясь во все тридцать два. Эта идеальная улыбка моментально вызвала приступ тошноты.

– Что ты здесь делаешь?

Мне хотелось кричать, но вместо этого из груди вырвался лишь сдавленный вздох.

– Эй, тише, все нормально, – его голос звучал пугающе спокойно. – Все будет хорошо, Ана.

Я отрицательно замотала головой. Слезы жгли глаза, а в висках стучало: зачем он здесь? Майкл был *последним* человеком, которого я хотела сейчас видеть. Что вообще происходит?

– Почему ты здесь? – я с трудом выдавила из себя еле слышный шепот.

Но он лишь улыбнулся – слишком широко, слишком неестественно, психопатически. Его глаза безумно блестели. Хотелось вскочить с кровати и помчаться по коридору... куда угодно – только бы подальше от него.

– Ты серьезно пострадала. Разве мог я не прийти? – в его тоне сквозила какая-то странная, ядовитая насмешливость, будто он знал что-то, чего не знала я. – Не хотел, чтобы ты оставалась одна.

Мысли путались. Как я вообще оказалась в больнице? Где отец? Почему из всех людей рядом именно Майкл?

Он вдруг наклонился – и резко дернул мою ногу в сторону.

Крик вырвался сам, дикий, нечеловеческий. Боль пронзила ногу и каждую клеточку моего тела.

Дверь с грохотом распахнулась. В палату ворвались врачи, их голоса сливались в неразборчивый поток – все они пытались меня успокоить. Кто-то прижал мои плечи к матрасу, пока один из врачей вводил что-то в мою капельницу. Комната поплыла, все затянуло серой пеленой.

Я пыталась крикнуть, сказать им, что он сделал, но язык не слушался. Сквозь пелену от лекарств и боли единственное, что я разглядела – лицо Майкла. Его глаза сияли *пугающим* удовлетворением. Все вокруг начало темнеть, и я невольно задумалась: а не превратилось ли одно кошмарное событие... во что-то куда более страшное?

– Спокойной ночи, зайка, – прошептал он перед тем, как я потеряла сознание.

Очнувшись, я поняла, что лучше не стало – разве что боль теперь хоть как-то можно было терпеть, не срываясь на крик.

Майкл все еще находился рядом, вертелся вокруг, не уходил. Большую часть времени его рука лежала на моем плече – многие могли бы посчитать этот жест попыткой утешить, но меня он пугал. Весь год я избегала его прикосновений, а теперь он постоянно трогал меня.

Медсестры то и дело заглядывали в палату, но никто не замечал моего испуганного взгляда. Придется рассказать самой... только поверят ли?

Резкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть – звук гулко разнесся по стерильной больничной палате, будто выстрел. Лекарства, которые мне ввели, все еще не отпустили, и я вздрагивала от любого шороха.

Я не успела ответить, что входить можно, как вдруг дверь распахнулась. В помещение вошли двое крупных полицейских и строгая женщина в деловом костюме с юбкой. При их появлении комната сразу наполнилась ощущением тревоги, и я инстинктивно отпрянула, широко раскрыв глаза. Живот скрутило от паники.

– Здравствуй, Анастасия, – первым нарушил тишину высокий офицер, слегка кивнув. Несмотря на внушительные габариты, его голос оказался неожиданно мягким. – Я – офицер Родригес, а это – офицер Томпсон. Нам нужно с тобой поговорить.

Женщина в строгом костюме напряженно улыбнулась и сделала шаг вперед.

– Я мисс Дженкинс, твой социальный работник. Как ты себя чувствуешь, солнышко?

Она пыталась звучать доброжелательно, но фальшь сквозила в каждом слове. И еще – она назвала себя *моей* социальной работницей. Что это теперь для меня значит?

Я сглотнула. В горле внезапно пересохло, и слова с трудом вырвались из моего рта.

– Все болит, – прошептала я, беспокойно скользя взглядом по трим взрослым. – Что происходит?

Офицер Родригес переглянулся с напарником, Томпсоном, прежде чем заговорить снова.

– Ты помнишь, что произошло? – в его карих глазах читалось искреннее сочувствие.

Я вжалась в подушку еще сильнее, не решаясь ответить. В школе ходили страшные истории о детях, которых забирали у родителей.

Они были страшнее, чем вся моя жизнь с отцом.

– Анастасия, ты в безопасности, – мягко сказал Родригес.

– Папа... Он был пьян. Принял меня за кого-то другого и... сделал мне больно, – наконец вырвалось у меня. Я сфокусировала взгляд на ноге. Никто так и не рассказал, насколько сильно я пострадала. А мне нужно было знать.

– Спасибо за смелость. Твой рассказ нам очень помог. Преступник уже арестован, но твои показания необходимы, чтобы он больше не смог тебя тронуть, – произнес второй офицер низким, властным голосом. – Он совершил столько, Анастасия, что не сможет освободиться из тюрьмы в ближайшие несколько лет.

Даже в мои годы я прекрасно понимала: нельзя безнаказанно причинять ребенку такую боль, какую мне причинил отец. Но почва все равно ушла из-под ног, оставив ощущение пустоты.

– Что теперь со мной будет? – едва слышно выдохнула я.

Офицеры переглянулись.

– Здесь вступаю я, – фальшиво бодро вмешалась мисс

Дженкинс, шагнув вперед. – Ты временно поселишься у Карверов. Даже школу менять не придется! Они *замечательные* люди, уверена, тебе у них понравится.

– Что? – вырвалось у меня, когда пальцы Майкла впились в руку. Я взглянула на него и вздрогнула от его усмешки. Все внутри рухнуло, когда до меня наконец дошел смысл ее слов.

Я застыла, паника медленно разливалась под кожей ядом. Майкл усилил хватку, но я резко дернула плечом – и он наконец отпустил, вероятно, не желая устраивать сцену при посторонних.

Маска доброжелательности сползла с лица соцработницы, когда она увидела мое выражение.

– Анастасия! – возмущенно воскликнула она. – Ты вообще осознаешь серьезность положения? Тебе крупно повезло, что мы не отправляем тебя в детдом! Карверы – просто святые, раз согласились тебя приютить. И какая удача – они входят в государственный реестр проверенных приемных семей. Тысячи детей мечтают о таком. Ты должна быть *благодарна!* – она покачала головой, ее лицо приняло слащаво-заботливое выражение. – Лекарства и шок явно не дают тебе ясно мыслить. Давай отложим разговор до тех пор, пока боль не утихнет и ты не отдохнешь, – она вздохнула, словно прося у небес терпения, чтобы справиться со мной, и жестом подозвала офицеров. – Оставим ее в покое. Бедняжке нужен покой.

Полицейские кивнули.

– Позже зададим еще несколько вопросов, – сказал офицер Родригес. Я машинально кивнула, после чего он с напарником вышел из палаты.

– Майкл, милый, давай пройдем к твоим родителям и дадим Анастасии отдохнуть, – слащаво протянула мисс Дженкинс. Соцработница явно попала под токсичные чары его обаяния, это лишь доказывало, что она ужасно разбирается в людях. Хотя социальные работники должны отличаться именно способностью «читать» людей.

– Конечно, – усмехнулся Майкл и на прощанье сжал мое плечо. – До скорого, *сестренка*.

Он бросил это через плечо и улыбнулся – совсем как Джокер.

И вот я осталась одна. Вокруг – лишь оглушающая тишина.

По щеке скатилась слеза. Я резко смахнула ее, но это не помогло. За первой слезой хлынули другие.

В дверь снова постучали, на этот раз тихо, без нажима.

– Войдите, – прохрипела я, торопливо вытирая лицо на случай, если за дверью соцработница... или Майкл. Никому из них не хотелось показывать свои слезы.

Но вошли не они. К счастью.

Дверь приоткрылась, и в проеме появилась приятная женщина в белом халате с аккуратно собранными в пучок волосами. В отличие от мисс Дженкинс, ее беспокойство казалось искренним. Не знаю, откуда взялась эта уверенность

– возможно, просто отчаянное желание поверить в доброту. Но ее мягкая улыбка все же принесла облегчение.

– Здравствуй, Анастасия, – мягко сказала женщина. – Можно мне присесть?

Я моргнула, затем кивнула, все еще находясь в каком-то оцепенении. В то же время она придвинула стул к моей койке.

– Я доктор Патель. Возглавляю команду, которая занимается твоим лечением.

Ее спокойствие принесло облегчение, и я слабо улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте, доктор Патель, – прошептала я.

Она устроилась рядом, взгляд ее оставался теплым.

– Можно? – снова спросила она, слегка указав на иглу в моей руке.

Мне нравилось, что она спрашивала разрешения, даже если это была формальность. Я кивнула, и она аккуратно проверила место введения иглы, прежде чем снова сесть.

– Мне больно это говорить, но у тебя сотрясение мозга из-за... произошедшего, – осторожно начала она. – И повреждена селезенка, отсюда такая боль.

Я сделала вид, что понимаю все, о чем она говорила. Но мне было все равно на это – мысли крутились лишь вокруг одного...

– А нога? – голос задрожал, когда я взглянула на гипс.

– Нога... – ее тон стал еще мягче, – сломана в двух местах.

Пока ты была без сознания, тебе сделали две операции...

Я резко подняла голову, а доктор приподняла ладонь, словно пытаюсь успокоить.

– Пришлось возвращать кости на место. Они повредили кожу, ситуация была экстренной.

От этих новостей у меня закружилась голова. Я вспомнила тот дикий хруст и резкую боль... а затем онемение, ползшее по рукам и ногам.

– Хорошая новость, – продолжила доктор Патель, – в том, что дополнительные операции, скорее всего, не понадобятся. Если только установленные конструкции не начнут причинять дискомфорт.

Я медленно кивнула, пытаюсь осмыслить все, что она говорила. Сотрясение, повреждение селезенки, перелом ноги. Слишком много всего.

– Доктор Патель, как долго будет заживать нога? – голос дрогнул. – Когда я смогу вернуться к танцам?

Брови врача слегка сдвинулись, она замаялась, и в глазах появилась тень сожаления.

– Анастасия, твои травмы довольно серьезны. Обычно пациенты в таких случаях радуются, если после реабилитации остается лишь легкая хромота.

Сердце сжалось, дыхание перехватило.

– То есть... я больше не смогу танцевать? – собственный голос прозвучал тонко, почти по-детски. Голова начала кружиться сильнее. Этого не может быть. Вот-вот я проснусь, и

все это окажется кошмаром. Танцы – это моя жизнь. Я должна танцевать. Или я сплю, или она ошибается.

Гнев, отчаяние, страх – чувства разрывали меня изнутри. Я готова была смириться с чем угодно, но только не с этим. Я не могла потерять возможность танцевать.

Я почувствовала тепло на своей ладони – и увидела на ней руку доктора Патель.

– Анастасия, «обычно» не значит «никогда», – ее голос прозвучал твердо, но обнадеживающе. – Для тебя все может сложиться иначе, если будешь соблюдать рекомендации и старательно заниматься на физиотерапии, – она сделала паузу. – К тому же ты молода. Шансы на полное восстановление сейчас гораздо выше, чем если бы травма случилась во взрослом возрасте.

Я кивнула. Ее слова зажгли во мне искру надежды, за которую я готова была цепляться изо всех сил.

Буду выполнять все ее рекомендации. И вернусь к танцам. Дверь распахнулась без стука, и в проеме возник Майкл. Мое тело мгновенно напряглось.

– Чем могу помочь, молодой человек? – голос доктора Патель прозвучал вежливо, но с легким укором.

– Просто проверяю, как Анастасия. Моя семья берет ее под опеку, – ответил он, изображая на лице искреннее участие.

Доктор Патель хлопнула в ладоши.

– О, как прекрасно! Очень рада, что у нее будет надежная

опора.

То самое оцепенение, охватившее меня на полу в моей комнате после удара, снова накатило волной.

Но теперь я не сопротивлялась.

Безмолвная и безучастная, я позволила выписать себя через неделю, позволила вывезти в коляске к улыбающимся родителям Майкла – их взгляды были такими же ледяными, как и у сына.

Не дрогнула, когда заперли в новой комнате.

Не проронила ни слова, когда заставляли униженно просить даже кусок хлеба в их доме.

Стойко молчала, когда после двух новых операций нога воспалилась, и я неделями металась в лихорадке.

Стиснув зубы, я заставила себя подняться с коляски на физиотерапии. Боль пронзила так, что мир померк перед глазами.

Я заново училась ходить, потом осваивала длинные дистанции, после – бег.

И когда наконец пришло время, я заставила себя... танцевать.

Глава 2. Кэмден

– Черт возьми, Новичок! Пропустишь еще один пас – заставлю Кэмдена переспать с твоей бабушкой! – крикнул Ари, когда Логан бросился за шайбой.

Я усмехнулся, не отрывая глаз от шайбы, которую защитники «Детройта» только что перебросили через центр поля.

– И почему именно я? – пробурчал я себе под нос.

– Логан не может переспать с собственной бабушкой, Джеймс. А ты у нас единственный, кто сейчас свободен.

Я фыркнул и тут же впечатал одного из нападающих «Детройта» в борт. Его стон прозвучал как музыка в ушах.

– И ты единственный в команде, кто по возрасту годится моей бабушке в кавалеры, – услужливо добавил Логан, никогда не упускавший случая напомнить, что я старше его почти на десять лет.

Придурок.

Хотя сегодня он хотя бы не обозвал меня «дедушкой». Уже прогресс.

– Новичок, нести чушь разрешается только тем, кто забывает шайбы, – бросил Ари, пока Логан готовился к вбрасыванию.

Раздался свисток. Логан вырвал шайбу, попытался отдать пас Линкольну... но ее перехватил игрок «Детройта» и устремился с ней к нашим воротам.

Типично для игры.

Шел третий период, а мы проигрывали «Детройту» одно очко. Позор, учитывая, что «Детройт» – одна из слабейших команд лиги.

Мы, черт возьми, «Рыцари»! Мы не проигрываем таким, как «Детройт».

По крайней мере, не должны.

– Эй, судья! – гаркнул Ари, когда вновь раздался свисток, который сигнализировал о штрафе... снова. – Твоя жена в курсе, что ты ей изменяешь с нами?

Судья едва заметно ухмыльнулся, но это не помогло – Логана все равно отправили на скамейку штрафников.

Теперь мы остались в меньшинстве. Просто замечательно.

Голос тренера прорвался сквозь шум площадки.

– Смена! Смена! – прокричал он, перекрыв рев трибун.

Линкольн лишь покачал головой и вместе с Джонсом откатился к борту, уступая место Тернеру и Ларссону.

– Seriously? Убираем Линкольна? – выкрикнул Уолкер из ворот за моей спиной, как только игра возобновилась.

– Он тебя не слышит, Дисней, – бросил ему Ари, устремляясь за шайбой. – Хватит ныть.

Уолкер недовольно застонал, когда Ари отпасовал Тернеру, и тот рванул к воротам.

– Да, черт возьми! – вырвалось у меня, когда шайба, посланная Тернером, проскользнула мимо вратаря «Детройта».

Гудок сирены, вспышка заворотных фонарей – трибуны взорвались ликованием, будто мы одержали победу, а не просто сравняли счет. Мы с Ари налетели на Тернера, празднуя гол, но тренер тут же приказал нам вернуться на скамейку, пока Питерс и Фредерикс перепрыгивали через борт.

Мы сели и стали наблюдать за ходом игры – «Детройт» сразу же перехватил инициативу и обрушил шквал атак на Уолкера. Лучших невозможно заменить, а мы с Ари... ну... были лучшими.

– Если этот продавец попкорна еще раз пройдет мимо Монро... – неожиданно прорычал Линкольн, сидевший через несколько мест от меня. – Ей не нужен его чертов попкорн!

– Что? – я не ожидал, что в разгар игры пойдет речь о попкорне.

Уолкер отразил очередной бросок, и я радостно вскинул кулак в воздух. В то же время Ари сквозь зубы прошипел, что Фредериксу стоит активнее шевелить булками.

– Да он, черт возьми, опять рядом с ней крутится!

– Линк, Золотой мальчик, Капитан... о, великий Капитан, – Ари снисходительно хмыкнул. – Между твоей ненаглядной и этим попкорнщиком – здоровяк-телохранитель. С ней все будет в порядке.

Он бросил взгляд на трибуны, видимо, проверяя, действительно ли этот парень не представляет угрозы. Там же сидела его жена, Блэйк.

Я оторвался от действий на льду и скользнул взглядом по

первому ряду, где расположились «первые леди» команды. Монро, Блэйк и Оливия, похоже, пока обходились без услуг продавца.

Мне сложно было представить, как можно так переживать из-за девушки, что даже ее близость к какому-то пареньку с лотком попкорна вызывает панику... Хотя, наверное, это какая-то черта «круга доверия».

«Круг доверия»... Пока я не был уверен, что это такое на самом деле. Судя по всему, в него входили мои товарищи по команде – Линкольн Дэниелс, Ари Ланкастер и Уолкер Дэвис – настоящие звезды не только нашего клуба, но и всей лиги. Похоже, это была группа парней, одержимых своими девушками.

Но, опять же, я не был уверен.

Я знал лишь одно: мне *хотелось* попасть в их круг.

– Джеймс и Ланкастер, вперед! – рявкнул тренер Ким. Мы с Ари рванули на лед, сразу оказавшись в гуще событий.

Я впечатал центрального «Детройта» в борт, а Ари громко предупредил, что он передал кому-то шайбу ударом из-за ворот.

Уолкер в то же мгновение сел в бабочку, сдвинув колени друг к другу, и напряженно стал ждать удара.

– Молодец, мать твою! – взревел Линкольн, когда Уолкер заблокировал бросок.

Клянусь, он засиял от радости.

Он определенно был без ума от Линкольна Дэниелса.

Не буду отрицать – у меня Линкольн *вызывал* такие же чувства.

Возможно, это тоже какая-то особенность «круга доверия».

Трибуны взорвались негодованием, когда один из защитников «Детройта» ударил Линкольна клюшкой по ногам, свалив того на лед. Судья, конечно, промолчал.

Еще одна обыденность в этой игре.

– Эй, судья, ты что, в декрете? Полматча не работаешь! – прокричал я, проносясь мимо.

– Джеймс, это действительно смешно, – сказал Ари, когда проезжал рядом.

Я фыркнул и показал ему средний палец.

– Заткнитесь уже! Осталось две гребаные минуты! – заорал один из ассистентов.

Как будто мы не в курсе.

Каждая секунда на таймере отдавалась в висках тяжелым стуком. Каждая клетка моего тела остро ощущала ускользающее время.

Я захлебнулся слюной от возмущения, когда на меня налетел игрок «Детройта», пытаясь выбить шайбу.

– Твоя мамаша бьет сильнее! – сквозь зубы бросил я, отдавая пас Джонсу.

Пусть мне и тридцать один, но шутки про мамку все еще работали на отлично.

Классика – она бессмертна.

Счет равный, до конца минута, а шайба никак не хотела лететь в сетку.

По крайней мере, у них тоже ничего не выходило – спасибо Уолкеру, блестяще стоявшему на воротах... да и Ланкастеру, и моему собственному мастерству в защите.

Осталось десять секунд. Отчаяние накрыло с головой, когда мы ринулись в последнюю атаку. Я летел по льду, оглушенный ревом трибун, и искал момент для точного удара.

Краем глаза заметил Линкольна – он мчался к воротам, не сводя глаз с шайбы. Я отправил пас в его сторону – идеально, само собой – сердце бешено колотилось, пока я следил, как он готовится к броску.

Линкольн замахнулся, шайба пронеслась по льду и... ГО-ООН!

Трибуны взорвались так, что, кажется, в старости мне точно понадобятся слуховые аппараты. Еще один повод шутить надо мной из-за возраста.

– Да, черт побери! – заорал Ари и налетел на меня с объятиями, а потом кинулся к Линкольну.

Я победно вскинул кулак, пытаюсь запомнить каждую деталь: ревушую толпу, адреналин, пульсирующий в висках, вой сирены, ликующих товарищей...

В мире не существовало ничего лучше этого.

– Давай помогу, – предложил я, наклоняясь за бутылками воды, разбросанными по скамейке. Их пыталась собрать од-

на из ассистенток тренера.

Лицо девушки тут же залила краска, и бутылка выскользнула у нее из рук. Она не смогла выдать из себя ни слова и лишь пробормотала в ответ что-то невнятное.

Хм.

– Брось, *Герой*, не мучай бедную девушку, – фыркнул Ари, хлопнув меня по спине.

Я поднял одну бутылку – чисто для приличия – и протянул ей, делая вид, будто не заметил, как она снова уронила ее.

Каким-то образом в команде за мной закрепилось прозвище «Герой».

Действительно ли у меня была навязчивая потребность помогать всем девушкам, попавшим в неловкое положение или беду?

Безусловно.

Признаюсь ли я в этом?

Ни за что.

Психолог, наверное, счел бы это интересной особенностью характера. Но я не собирался давать ему такую возможность.

– Умоляю, скажи, что ты не спал с Бекки, – Логан подошел к нам, пока мы шли по туннелю.

– С Бекки? – переспросил я, напрягая память.

Логан фыркнул.

– Ассистентка тренера. Та самая, что чуть не потеряла со-

знание, когда ты ей бутылку подал.

А, точно.

– Нет. С Бекки я не спал, – сухо ответил я. – Зато теперь я знаю ее имя, спасибо.

Ари усмехнулся, а я бросил на него неодобрительный взгляд – поощрять Логана было себе дороже.

Мысленно я вернулся к той девушке. Бекки. Милая... но явно слишком юная для меня.

Да, вслух такое не скажешь, особенно при новичке. Он бы потом никогда не позволил мне этого забыть.

– Получается, теперь он *точно* с ней переспит, – заметил Уолкер и плюхнулся на скамейку перед своим шкафчиком, вытерев лицо полотенцем.

– Вообще-то, я предпочитаю держаться подальше от тех, кто слишком сильно привязывается, Дисней, – протянул я, наклоняясь, чтобы расшнуровать коньки. – Черт!

Логан ударил меня полотенцем по заднице. Я бросил на него убийственный взгляд, раздумывая, не врезать ли ему в ответ или придумать другую месть.

Но сил не хватало даже на это.

В следующий раз – обязательно отыграюсь.

– Значит, сегодня вечером идем куда-нибудь тусить? – донесся голос Джонса из дальнего угла раздевалки, пока он стягивал нагрудник.

Я уже открыл рот, чтобы выдать какую-нибудь отговорку – в последнее время я делал это все чаще. Собственная кро-

вать казалась куда привлекательнее любого бара. Даже мое естество, похоже, в последнее время было уставшим.

Если такое вообще возможно.

Телефон завибрировал. Взглянув на экран, я внутренне застонал: напоминание о свидании с Джеральдин. Не то чтобы она мне не нравилась, но сегодня я был выжат как лимон. Отменить – не вариант. Придется терпеть.

– Прости, Кай. Сегодня у меня горячее свидание, – наконец я скинул коньки и отполз подальше от Логана, чтобы избежать нового удара полотенцем.

– Оооооу! – раздевалку заполнил хор одобрительных возгласов, будто меня окружила стайка хихикающих школьниц.

– Кто счастливица, Герой? – хмыкнул Логан. – Одинокая мамаша, которой ты колесо менял? Недавно разведенная девушка, чью машину заводил? Или вдова, которой менял масло?

– А почему во всех примерах он помогает женщинам с машинами? – Линкольн склонил голову на бок. И, как всегда, задал логичный вопрос.

– Вообще-то, я не занимаюсь машинами, новичок. У меня для этого механик есть, – серьезно парировал я.

Логан показал средний палец, явно расстроенный, что я не скрываю от команды какую-то странную страсть к авторемонту.

– Моей сегодняшней даме семьдесят пять. Серые волосы – это, конечно, горячо, но вставная челюсть – вот что по-

настоящему заводит, – съязвил я.

В комнате повисла гробовая тишина.

– Ну, то есть... – замялся Логан.

– Что бы тебя ни радовало... – поддакнул Уолкер.

Я уставился на них в шоке, рот непроизвольно открылся.

– Да я шучу, идиоты! Просто пообещал соседке подвезти ее на танцевальный вечер. Вы что, правда подумали, что я иду на свидание с бабушкой?!

– Ну, учитывая твой возраст... – Логан сохранял каменное лицо, но через секунду на губах заплясала хитрая ухмылка. Я сразу понял, что сейчас будет. – Дедуля...

– Я даже не самый старый в команде! – проворчал я.

Раздевалка взорвалась хохотом, и на этот раз я показал средние пальцы обеими руками уже всей команде.

Потому что, видимо, я тоже вел себя как школьник.

Но это все же лучше, чем быть «дедулей». Наверное.

Глава 3. Анастасия

Я проснулась, и тут же в нос ударил резкий запах дезинфектора, который, казалось, давно въелся в стены. Моргнув, я попыталась окончательно прогнать остатки сна, уставившись в белый потолок над головой, привычный до тошноты. Прислушалась – вокруг уже ходили люди, которые готовились к началу нового дня.

Их утренние голоса звучали куда приятнее ночных стонов.

Многие кричали во сне. Ужасы их жизни поджидали в темноте и зловещими сороконожками ползали по напряженным извилинам.

Плач стал демонической колыбельной. Боль и отчаяние – теперь мои вечные спутники.

Их кошмары стали моими.

Хотя мне и своих хватало.

Зевнув, я потянулась и подняла руки над головой. Суставы хрустнули, шея ныла от сна в неудобном положении. Я окинула взглядом комнату – большинство обитателей выглядели такими же измотанными, как и я сама.

В приюте царил жесткий распорядок: комендантский час, подъем по звонку, даже выходить утром мы должны были все в определенное время.

Я привыкла.

Но однажды, когда наведу порядок в собственной жизни, то буду спать до обеда. А может, и до вечера.

Просто потому, что смогу себе это позволить.

Я перевернулась на тонком матрасе, пружины жалобно скрипнули под моим весом.

Когда-нибудь у меня будет нормальная кровать – такая, в которой захочется валяться целый день.

Тяжело вздохнув, я спустила ноги с койки и тут же скривилась от знакомой боли, пронзившей бедро и лодыжку. По утрам она всегда усиливалась, словно напоминая: прошлое не отпустит. Никогда.

Оказалось, если отец ломает тебе малоберцовую и бедренную кость в нескольких местах, а помощь приходит лишь через сутки – пока ты находишься при смерти – срастается все как попало.

И боль остается с тобой. Навсегда.

Глубоко вдохнув, я поднялась на ноги, опершись на край койки, и потянулась. Движения выходили медленными, осторожными, каждое давалось *с трудом*.

Нога протестовала при малейшем шаге, острая боль простреливала от лодыжки до бедра. Я мысленно выругалась. Вчера после танцев мне не удалось приложить лед, хотя это было необходимо. Иногда, если занятия затягивались, а уборку завершить я не успевала, приходилось пропускать процедуры, лишь бы успеть к комендантскому часу.

Так, казалось, и шла моя жизнь: вечно не хватает времени,

вечно к концу дня не остается сил на себя.

Закончив растяжку, я стиснула зубы и заставила себя выпрямиться, игнорируя пульсацию в мышцах. Нужно работать, репетировать, копить деньги... *Небольшая боль* не должна меня останавливать.

Я наклонилась, пытаюсь дотянуться до пальцев ног...

Ладно, это не просто боль. Это пытка.

Я достала сумку из-под кровати, проверяя, не пропало ли ничего за ночь.

Пойманных на воровстве выгоняли из приюта в тот же день. Но кражи все равно случались.

Мы все здесь были отчаявшимися.

Отчаявшимися выжить. Отчаявшимися просто существовать.

Отчаявшимися.

Когда-нибудь у меня появится место, в котором я буду хранить вещи, не опасаясь, что их украдут. А пока приходилось каждый день собирать все, что у меня есть, и таскать с собой – оставлять ничего нельзя.

Когда-нибудь у меня будет своя комната, шкаф, полки для книг и вещей.

Когда-нибудь.

Это слово не давало мне сдаваться. Мечты о будущем помогали идти вперед.

Но в дни вроде сегодняшнего, когда нога болела настолько сильно, что я была не уверена – смогу ли дойти до кухни,

не то что выполнить плие, – я сомневалась: наступит ли мое «когда-нибудь» вообще?

Я направилась в общий туалет, по пути встречая других постояльцев приюта. Их усталые взгляды и впалые щеки красноречиво говорили о пережитых тяготах. Мы молча кивали друг другу – большего общения здесь не требовалось. Персонал, конечно, иногда заговаривал со мной, но остальные не произносили ни слова. Одиночество давило, но я их понимала. Когда вся жизнь сводится к борьбе за выживание, заводить знакомства кажется непозволительной роскошью.

А вдруг кто-то захочет поговорить? Начнет делиться своими бедами? Никто в этих стенах не был готов взвалить на себя чужие проблемы. У каждого своих хватало.

Туалет, как и главный зал, содержали в чистоте, но потрескавшаяся плитка выдавала его возраст.

Между чистым старым и грязным новым я бы выбрала первое без раздумий.

В голове всплыли рассуждения Карверов о «благодарности» – противные, словно прокисшее вино.

Наверняка они одобрили бы такой подход.

Я плеснула водой в лицо, пытаясь смыть остатки сна, но тщетно.

Каждую ночь я слышала вопли других в ночи... и сама не заметила, как тоже начала кричать во сне. Воспоминания и кошмары прошлой ночи облепили меня липкой пленкой, не желая отпускать.

Надеюсь, я не кричала слишком громко. Рядом спала женщина с двумя малышами.

В зеркале отразилось мое изможденное лицо. Я вздохнула, ощущая ледяную пустоту внутри. Неужели так будет всегда?

– С таким настроем далеко не уедешь, Анастасия, – прошипела я себе сквозь зубы.

Сжав челюсти, я перекинула сумку через плечо и, прихрамывая, вышла из туалета, готовясь к очередному дню борьбы за свое существование.

У стойки администратора мне удалось выдавить первую – и, вероятно, последнюю – улыбку за сегодня.

– Ана, дорогая, как твое утро? – Монтана сияла, будто искренне была рада меня видеть, будто я не обуза, а желанный гость.

Три года я приходила сюда, и все это время она работала в приюте. *Всегда* в приподнятом настроении, всегда с улыбкой.

Когда-нибудь я спрошу, как ей удается сохранять позитивный настрой в этом море страданий.

– Замечательно, – ответила я, и голос даже прозвучал почти бодро. Противостоять такому заряду позитива было невозможно.

Когда-нибудь я тоже стану для кого-то солнцем, пробивающимся сквозь тучи.

Опять это слово.

– Сегодня мне невероятно повезло! – темно-рыжие кудри девушки раскачивались в такт ее словам, будто приветствуя меня. – Ты не поверишь, но в *Sonic*⁴ положили лишний бургер. Может, возьмешь его? – она невинно улыбнулась, будто это случайность, а не привычная уловка.

– Благослови тебя Господь, – вырвалось у меня, и я тут же смутилась собственного визгливого тона.

Так мы играли каждый раз. Она делала вид, что еду дали по ошибке, а я притворялась, будто верю. И, наверное, должна была испытывать больше угрызений совести – вряд ли ей платили столько, чтобы раздавать еду даром.

Но, как я уже говорила... мы все тут отчаявшиеся.

– Ты ангел во плоти, Монтана Тэтчер, – прошептала я, бережно принимая сверток, словно он был отлит из чистого золота. Придется растянуть удовольствие: вчерашний ужин состоял из куска хлеба с арахисовой пастой... калории от которого я сожгла за первые десять минут танцевального класса.

Желудок сводило от голода так сильно, что, думаю, если наброситься на еду сразу, все может выйти обратно.

С другой стороны, как бы ни болел живот... боль в ноге всегда была сильнее.

– Хорошего дня, солнышко, – Монтана улыбнулась, и лучики морщинок разбежались от уголков ее карих глаз. – У меня есть предчувствие, что сегодня у тебя будет хороший

⁴ Sonic – американская сеть ресторанов быстрого питания с едой навынос.

день.

– У меня сегодня выступление, – неожиданно выпалила я, сама не понимая, зачем делюсь этим. Но так хотелось, чтобы хоть кто-то знал – после долгих лет в тени из-за травмы я снова получила главную роль.

– В Sonic, кажется, что-то знали, – подмигнула она, а я стиснула зубы, чтобы не расплакаться.

Рыдать из-за забегаловки – последнее дело.

– Наверное, – ответила я удивительно спокойно и тут же выскользнула за дверь, жадно разворачивая буррито. Первый же кусок обжег язык, но это того стоило.

Буррито все еще оставалось чертовски горячим.

Я наслаждалась каждым кусочком, пока шла к автобусной остановке. Даже последующая тяжесть в желудке не могла испортить удовольствие.

Танцевальная студия встретила меня знакомым ароматом – смесью запахов пота и новых пуантов. Что бы ни происходило в моей жизни, это место, эти запахи...

Все это.

Оставалось моей единственной константой.

Нога пульсировала в такт сердцу, напоминая о словах врача, прозвучавших несколько месяцев назад... Но здесь, среди зеркал и станков, боль отступала на второй план.

Сегодня будет долгая репетиция, и никакая боль не заставит меня остановиться.

Я подошла к станку, прикусила губу и начала разминку. Движения выходили автоматически – настолько они врезались в память за годы практики.

Если бы только... *Черт, как же больно!*

Утренний класс больше походил на настоящую пытку.

– Анастасия, *mon dieu*⁵, что это за безобразие? – рявкнула Мадам Леклерк, от раздражения ее акцент усилился, а глаза округлились, как у совы. – Ты похожа на теленка. Что с осанкой? Опускайся ниже!

Трость обожгла ногу, но я не упала – лишь потому, что вцепилась в станок так, что даже костяшки побелели. Ее взгляд прожигал насквозь, и в тот момент я готова была провалиться сквозь землю.

– Простите, Мадам, – пробормотала я, заставляя себя опуститься еще ниже.

Пока я делала плие, она не сводила с меня глаз, будто испытывая на прочность. Секунды тянулись, как часы, но я держалась. Когда казалось, что вот-вот рухну, Мадам *наконец* фыркнула и двинулась к следующей жертве.

Я мгновенно выпрямилась, как только она отвернулась. По щеке предательски скатилась слеза – нога горела огнем.

– Ана, ты в порядке? – тихо спросила Клара, которая стояла рядом со мной у станка. – Выглядишь немного... бледной.

– Все хорошо, – поспешно ответила я. Клара мне нрави-

⁵ *mon dieu* (фр.) – Боже мой.

лась настолько, насколько вообще можно испытывать симпатию к человеку. Но друзьями мы не были. Она казалась такой яркой, сияющей, безупречной. Я слышала, что у нее крепкая семья и любящий парень.

Казалось, таким, как она, не место рядом с такими, как я.

Никому не место.

– У меня в сумке есть обезболивающее, – предложила Клара. – Или что-то покрепче, если нужно, – она игриво подмигнула.

– Спасибо, но я уже выпила. Таблетку, имею в виду, – поспешно добавила я. Как бы мне ни была симпатична Клара, я никому не доверяла. Последнее, что мне нужно, – чтобы кто-нибудь донес Мадам или другим преподавателям, что я появляюсь на занятиях под сильными болеутоляющими. Я мысленно добавила в список *отложенных до лучших времен* мечт еще одну вещь – когда-нибудь научиться доверять людям.

– Ладно, – она слегка поморщилась. – Но если что – я рядом.

Я улыбнулась, стараясь, чтобы это выглядело естественно. Не хотелось ранить ее чувства.

А затем снова сосредоточилась на разминке.

До травмы общие утренние классы были для меня лишь этапом подготовки к новому дню. Вся труппа собиралась вместе и оттачивала свои навыки, не фокусируясь на хореографии конкретного балета. Именно утром я могла отклю-

чить голову и отдаться музыке.

Прошли годы, но я до сих пор тоскую по тем временам, когда могла позволить себе такую роскошь, как забыть о тревогах.

Теперь тревога стала моим *вечным* спутником.

Мадам Леклерк бросила на меня холодный осуждающий взгляд, и я тут же опустила в плие. Ни в коем случае нельзя дать ей повод усомниться в моей готовности исполнить партию.

– Плечи назад, подбородок выше! – резко скомандовала она. – Плие, плие, деми-плие и подъем, снова деми-плие и подъем, теперь гранд-плие. Держать!

Мышцы дрожали от напряжения, но я продолжала следовать ее указаниям.

– Тандю в сторону, потом купе, в полную ногу! Гранд батман, выше, выше!

Мои мышцы дрожали, пока я выполняла ее указания.

Ее взгляд скользил по залу, выискивая малейшие ошибки, и чаще всего останавливался именно на мне.

Я стиснула зубы и заставила себя двигаться усерднее. Каждое движение отзывалось резкой болью в ноге.

После разминки у станка мы перешли к выполнению экзерсиса⁶ на середине. Каждый прыжок давался с трудом, но

⁶ Экзерсис – комплекс упражнений в классическом танце, направленный на развитие гибкости, укрепление опорно-двигательного аппарата с целью совершенствования техники исполнения.

я продолжала делать все настолько самоотверженно, будто от этого зависела моя жизнь. Напряжение и давление рвали меня на части.

Но я не могла остановиться. Ни за что. Никогда. Не тогда, когда я так близка к исполнению своей мечты – солировать на сцене. В танцах я находила утешение и, танцуя, я чувствовала себя... свободной.

Музыка нарастала, обволакивая со всех сторон, а я растворялась в танце, двигаясь на автомате, игнорируя боль в ноге. Балансировала на грани между экстазом и агонией, будто шла по натянутому канату.

Сотни глаз следили за мной, но я не замечала никого – для меня существовали только яркий луч прожектора, чарующая мелодия оркестра и всепоглощающее желание продолжать танцевать. Я танцевала с отчаянием, граничащим с безумием. Для меня не было большего удовольствия – адреналин, который струился по венам каждый раз, когда я выходила на сцену, был в сотни раз лучше любого удовольствия. Никакая боль не казалась слишком сильной, никакая жертва – чрезмерной.

Единственное настоящее мгновение блаженства, доступное мне в этой жизни.

Танцы.

Я танцевала, пока мышцы не начинали ныть от напряжения, а дыхание – сбиваться. Танцевала, убегая от ужасов это-

го мира, концентрировалась лишь на музыке и хореографии.

В прыжке через всю сцену я наконец смогла сполна наслаждаться зрительской любовью.

Здесь... я не была нищей. Не была бездомной. Не была дочерью отца-алкоголика и матери, которая меня бросила.

На сцене я становилась совершенством. Той, кем восхищались. Кем-то, *достойным уважения*.

Чем-то большим.

Я была безрассудна, но парила в воздухе, чувствуя лишь одно: я жива.

И пусть однажды это напряжение может убить меня...

Сейчас я танцевала.

Глава 4. Кэмден

– Спасибо, что согласился составить мне компанию, дорогой, – произнесла Джеральдин, поправляя розовый хлопковый свитер – куда более сдержанный наряд в сравнении с тем, что она обычно носила.

– Конечно, Мими. Что может быть лучше свидания с моей любимой девушкой? – ответил я, подмигнув ей, отчего ее морщинистые щеки залились румянцем.

– Ах, ты настоящий обольститель. Прекрасный мальчик. Та, что тебя заполучит, будет счастливицей, Кэмден.

Я похлопал ее по руке, внутренне посмеиваясь над тем, что она до сих пор называла меня *мальчиком*. Джеральдин стала моей соседкой, когда я переехал в пентхаус. Ее покойный муж владел ювелирным бутиком в Далласе, куда заглядывали знаменитости со всего света. Оставив ей солидное состояние, он ушел из жизни, а она... покорила меня в первый же день, принеся домашние пирожные макарон. Позже я узнал, что это *единственный* десерт, который она принимала – считала их верхом кулинарного изыска. Ну... а себя Джеральдин и вовсе воспринимала как воплощение утонченности.

Что ж, мой желудок был только рад такому соседству.

– Когда-нибудь, Мими, – начал я, а затем прищурился. – Ты, надеюсь, не притащила с собой никаких «третьих лиш-

них» на наше свидание? Не хочу заставляя их ревновать – все-таки сегодня я планирую уделять время только тебе.

Джеральдин и ее подруги были одержимы идеей женить меня на ком-нибудь – раз уж сами уже не играют, как они любят говорить. Я сбился со счета, сколько раз заходил к одной из них помочь, а на пороге встречал улыбающуюся незнакомку в красивом платье, которой от меня нужно было только кольцо.

Улыбка Джеральдин стала шире, и мои подозрения только усилились.

– Джераль... – начал я.

Она цокнула языком, прерывая меня. Всегда было интересно, как звучит это слово вживую – теперь знаю.

– Я бы никогда тебя так не подставила.

– То, как убедительно ты это говоришь, пугает, Мими.

Она рассмеялась, словно девочка, когда мы подошли к своим местам, и я помог ей устроиться в кресле.

Голубые глаза соседки сияли от возбуждения, пока она осматривала зал и пустую сцену. Мы пришли на какое-то танцевальное представление – деталей я не знал. Единственное, в чем был уверен: меня ждет скучный вечер. Но сказать «нет» Джеральдин, когда она просила об одолжении, я просто не мог.

Пробежав глазами по программе, выданной на входе, я попытался отыскать хоть что-то интересное.

Ни строчки. Абсолютно ничего.

Быстро взглянув на Джеральдин, чтобы убедиться, что она отвлеклась, я достал телефон и написал парням.

Я:

СОС

Ари:

Сексуальное Омбре Сосиски.

Я:

Что? Серьезно?

Это лучшее, что ты смог выдать?

Линк:

Я его не знаю.

Ари:

Вы на него посмотрите!

Делает вид, что может придумать что-то лучше.

Линк:

Мне и не нужно ничего придумывать.

У этой аббревиатуры уже есть значение.

Уолкер:

Это международный сигнал бедствия.

Ари:

Ответ типичного подлизы.

Я:

Кажется, все пропустили, что я отправил сигнал бедствия.

Линк:

Ты умираешь?

Я:

Если бы я умирал, надеюсь, я бы подобрал что-то поинтереснее трех букв.

Ари:

...

Линк:

...

Уолкер:

...

Я:

Ненавижу вас всех.

Ари:

Ты на свидании с семидесятипятилетней дамой со вставными зубами. Что может угрожать жизни в таких обстоятельствах?

Уолкер:

Хороший аргумент.

Ари:

Ты прекрасно справляешься с ролью подлизы, Дисней. Одобряю.

Уолкер:

Почему каждый раз, когда я с чем-то соглашаюсь, ты называешь это «подлизыванием»?

Вы, парни, тоже со мной соглашаетесь.

Ари:

Разве?.. Разве?..

Я:

...

С отвращением, но все же улыбаясь, я убрал телефон. Мои товарищи по команде явно не восприняли сигнал бедствия с должной серьезностью. Надеюсь, последнее многоточие донесло до них всю важность моих сообщений.

По крайней мере, я на это надеялся. Сам до конца не понимал, что оно означало. Каждый отдельный диалог привносил новый смысл.

Свет погас, и Джеральдин в возбуждении вцепилась в мою руку. Черт, а она чертовски сильна для своих семидесяти пяти.

– Начинается!

Я вскинул кулак, показывая свой энтузиазм, и она фыркнула.

– Наглец.

Тот факт, что я не закатил глаза, лишь подтверждал мою «зрелость», решил я.

Зазвучала музыка, и на сцену выпорхнули девушки в розовых пачках. А, ну конечно, балет. Раньше она не таскала меня на подобное. Может, будет интересно.

– Разве не восхитительно? – проворковала Джеральдин.

Я активно закивал. Прыжки и пируэты действительно впечатляли.

Но меня это все не цепляло.

Живот предательски заурчал. Я украдкой взглянул на сумочку Джеральдин. Наверняка там что-то съедобное.

Вопрос лишь в том, из какого оно десятилетия.

Балерины закончили, и я машинально захлопал вместе с залом, параллельно листая программу и сверяясь с телефоном. Неужели эти представления длятся часами? В конце концов, даже у танцоров есть предел выносливости.

Хотелось бы в это верить.

На сцену вышла группа чечеточников. По крайней мере, мне показалось, что это они. Я не специалист в искусстве стука каблуками.

Или это называется иначе?

Разве мы не на балете?

Я взглянул на программу.

Нет. Определенно чечетка.

Решив, что это стоит упомянуть, я отправил сообщение.

Я:

Чечетка. Вот что может угрожать моей жизни на свидании с семидесятипятилетней женщиной.

Ари:

Это какая-то поза в кинк-сексе, Герой?

Сдержанно усмехнувшись, я убрал телефон в карман.

Еще пять выступлений я проспал. Вздрогнул и проснулся только посреди особенно экспрессивного джазового номера.

Хотя нельзя было сказать наверняка – они много раз использовали прием «джазовых рук»⁷, так что я решил, что

⁷ Джазовые руки (англ. Jazz hands) – культовый жест, возникший в мире джазовой музыки и танца, который заключается в вытягивании рук с растопыренными

это, должно быть, джазовый номер. Хотя... связаны ли «джазовые руки» и джаз вообще?

Пальцы сами потянулись к телефону – хотелось снова написать парням. Ари наверняка разбирался в этих джазовых штучках. Но взгляд Джеральдин остановил меня.

Что-то в присутствии седовласых женщин в очках заставляло меня чувствовать себя провинившимся школьником.

Соберись, Кэмден. Не подведи ее.

Выступления шли одно за другим, и вот наконец настало последнее.

До этого момента я дремал, но вмиг атмосфера в зале переменилась. Сцена погрузилась во тьму, и зрители словно замерли в ожидании. Даже воздух стал плотнее.

Я выпрямился, стараясь понять, что происходит. Уж точно не чечеточки вызывали такую реакцию. Ничего личного к любителям этого дела.

Единственный прожектор освещал сцену.

И тогда я заметил ее.

Ее.

Призрак, в реальности которого сомневался.

Вокруг кружились другие танцоры, но в тот момент для меня существовала лишь она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.